

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

УДК 340.114.5+159.9:34

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ ПРИ ПРАВОВОМ ВОЗДЕЙСТВИИ

И. Л. Вершок

доцент кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета,
кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет
e-mail: viarshok_irina@mail.ru

***Аннотация.** Рассматриваются два вида когнитивных процессов как результат правового воздействия: стереотипный массовый, отражающий нормативность в ее описательном смысле и последовательный индивидуальный с нормативностью как императивом.*

***Ключевые слова:** правосознание, когнитивный процесс, правовое воздействие.*

***Annotation.** Two types of cognitive processes are considered as a result of legal influence: a stereotypical mass process that reflects normativity in its descriptive sense, and a consistent individual process with normativity as an imperative.*

***Keywords:** legal consciousness, cognitive process, legal influence.*

Правовое регулирование и соответствующее ему правовое воздействие априорно направлено на субъектов, обладающих одинаковым «набором» усредненных физиологических, нервно-психических и когнитивных параметров, что, соответственно, должно предопределять постоянную и одинаковую их способность понимать цель, содержание и результаты такого регулирования. При осуществлении правового регулирования предполагается, что у каждого субъекта есть потенциал точного идеального отражения правовых норм в сознании, которое впоследствии обуславливает их реализацию в правовом поведении. Только в случае факта нарушения правовых норм становится актуальным вопрос о наличии искажений в реализации отражательной функции правосознания субъекта права, ставшего субъектом правонарушения (субъективная сторона состава).

Так, «по причине переоценки роли закона приверженцы правового централизма склонны неоправданно предполагать, что акторы знают и выполняют <все> правовые нормы» [1, с. 258], что существенно обеспечивает формальную

определенность права. Однако «допущение о рациональности человека является упрощением, которое искажает реальность» [1, с. 286]: у аналитиков, «использующих модель рационального актора, концепция мотивации человека слишком стерильна и асоциальна» [1, с. 432]. Тем более что на основе экономического подхода информация о праве, подвергаемая утилитарному анализу путем оценки выгод и транзакционных издержек, признается дорогостоящей, в связи с чем «когнитивные способности людей часто являются ограниченными из-за ресурсной скудости объектов восприятия», поэтому возможности авторов по приобретению правовой информации часто ассиметричны [1, с. 497].

На самом деле «мир в наших головах не представляет собой точное механическое отражение реальности, наши оценки искажены распространенностью и эмоциональной интенсивностью окружающей нас информации». Вследствие чего А. Дамасио отводит ключевую роль в процессе сознательной деятельности по принятию решений не рациональным мыслительным процессам, а связывает такую деятельность преимущественно с «эмоциональными оценками результатов, связанными с физическими реакциями организма и вызываемыми ими тенденциями приближаться или избегать» [2, с. 188–189], что неприемлемо игнорировать применительно к правовой системе. Используя достижения современной когнитивной психологии, необходимо признать, что качество правового воздействия связано с влиянием не только на рациональную часть поведения человека, но и на нерациональные, импульсивные акты, влекущие за собой значительные стереотипные массовые когнитивные искажения, что требует изучения.

Различные когнитивные искажения, вызванные ограниченной рациональностью [3, с. 277], обусловлены внутренними, психоэмоциональными, факторами, а также влиянием объектов окружающей среды: «сложный комплекс факторов, в частности когнитивный диссонанс и издержки приобретения малопонятной <либо ограниченной> правовой информации, может привести к тому, что люди станут реагировать на правовые изменения неожиданными способами» [1, с. 197].

Что касается внутренних, психоэмоциональных факторов общих когнитивных искажений, то они подробно рассмотрены в психологической литературе, что предполагает адаптацию и дальнейший анализ имеющейся информации в рамках юридических исследований. Например, достаточно распространенной в настоящее время является попытка снять имеющиеся когнитивные искажения, обычно именуемые в теоретико-правовых исследованиях как правовой нигилизм и идеализм, низкий уровень правового сознания или культуры, путем «всеобщей правовой информатизации», повышения уровня правосознания от обыденного до профессионального или даже научного [4, с. 31]. Она далеко не

всегда имеет успех. Дело в том, что такие когнитивные процессы осознания транслируемой правовой информации, как «быстрое мышление» и «медленное мышление», имея существенные различия, предполагают разные результаты правового воздействия.

Быстрое мышление, изучаемое Д. Канеманом в качестве «системы 1», действует автоматически. Будучи широко распространенной в сфере когнитивных процессов, обуславливающих поведение субъекта в рамках правового регулирования, такая система противостоит сложным и более длительным процедурам обдумывания и оценки информации «системой 2» (медленное мышление). «Система 1» «порождает впечатления, чувства и склонности», характеризующиеся массовостью, типичностью и наибольшей распространенностью. Если в дальнейшем «система 2» принимает их, то они становятся «убеждениями, позициями и намерениями» [2, с. 141], происходит рациональная обработка информации, причем такое «обдумывание связано с затратами времени, а бесконечные инновации сопряжены с риском» [1, с. 287].

Учитывая высокую затратность работы мыслительной «системы 2», предполагающую наибольшие усилия (напряженность сознания) и время (сложную темпоральность сознания), большинство актов правового регулирования ограничивается воздействием на быстрое мышление субъекта права. Это обусловлено природой мыслительного процесса человека, и поэтому наиболее эффективным достаточно часто представляется «настройка» правового регулирования на стереотипы быстрого мышления, выражающиеся в общих культурных традициях, образцах для подражания, развитых методом проб и ошибок [1, с. 287], а не, наоборот, форматирование правосознания под новые правовые императивы. Более того, «профессионализация» правосознания может вызвать обратный, негативный, эффект — «изоляция специалистов от общественных эмоций приведет к внедрению политических мер, которые общество отвергнет» [2, с. 192–193].

Косвенными доказательствами двойственности когнитивных процессов правового воздействия могут служить эмпирические данные, полученные Р. Ч. Элликсоном путем социологических правовых исследований в сфере правового регулирования деятельности скотоводов округа Шаста, которые сопротивлялись восприятию информации, противоречащей «их фольклору»: не изменяя своих убеждений, ругали официальный источник нормы за некомпетентность. Однако такой «фольклор» в двух разных периодах своего развития по-разному отражался на качестве регулирования.

В начальный период, когда на поверхности появляется новая тема, которая может трактоваться фольклором, когнитивные линзы, фильтрующие информацию, имеют наименьшие искажения. На этом этапе, осуществляя выбор

между разными поверьями, члены группы подсознательно склонны отвергать те из них, которые не оправданы с экономической <наиболее рациональной> точки зрения [1, с. 217–224]. На втором этапе, когда первоначально выбранные поверья укореняются в сознании, имеет место сопротивление членов группы новой информации, противоречащей их убеждениям, что может привести к развитию норм, которые подсознательно не были приняты в условиях первого периода. То есть в первом периоде правовое воздействие оптимально рассчитывать преимущественно на работу «системы 2» (медленного мышления), оценивающей рациональность различных вариантов и только формирующей стереотип, потенциально способный стать правовой нормой, сочетающей в себе сущее и должное. Здесь поступки индивидуальны, а нормативность предполагает только описательность, правовая информатизация полезна и экономически обоснована.

Во втором периоде в большинстве своем работает «система 1» — быстрое мышление, не предполагающее сложные стадии рационального анализа целей и средств и достаточное для правового воздействия. Здесь индивидуальные поступки складываются в типичное правовое поведение, обладающее массовостью. Нормативность приобретает предписывающий, а не описательный характер и предполагает поведение, которое «люди должны имитировать, чтобы избежать наказания» [1, с. 244–235]. В таком случае наиболее целесообразна узкоспециализированная правовая коммуникация, необходимая и достаточная для знания стереотипа.

Национальная практика правотворчества и правоприменения в настоящее время переориентируется с юридического регулирования общественных отношений и соответствующего однонаправленного государственно-правового воздействия (информатизации) на диалогичное взаимодействие (коммуникацию) при подготовке и принятии, а также реализации нормативных правовых актов. Указанное смещение акцентов в политике правотворчества и правоприменения демонстрирует постепенный переход в интерпретации функционального предназначения правосознания от простого отражения окружающей действительности к его творческой, созидательной функции. В частности, ряд легитимирующих мероприятий, предусмотренных на законодательном уровне в качестве публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов, правового мониторинга, правового эксперимента, предполагают содержательное переформатирование правосознания как рядовых граждан, привлекаемых к названным мероприятиям, так и лиц, участвующих в них на профессиональной основе. Такое «переформатирование» состоит не в просвещении либо воспитании, имеющем субъект-объектную структуру однонаправленного доведения правовой информации о необходимом поведении, а в сложных актах правовой коммуникации,

полилогично осуществляемой в условиях адаптации современного человека к быстрым изменениям в социокультурной и природно-биологической системе.

В частности, публичное обсуждение нормативного правового акта, осуществляемого на форумной интернет-площадке, особенно когда вносятся проекты, расширяющие границы или изменяющие метод правового регулирования, необходимо проводить несколько раз по одному и тому же предмету. Тем самым обеспечивается выявление сложившихся стереотипов быстрого мышления путем методики «диахронного сравнения» [5, с. 15–18]. Кроме того, применяя правило вероятности природных закономерностей и их подчиненности закону больших чисел, имплементируем его выводы на представленный в статье предмет изучения, также развивающийся по многим биологическим законам. «Чем выше порядок — тем неуклоннее воздействие закономерности на объект; и чем ниже порядок — тем больше возрастает роль случайности, и тем самым степень свободы» [6, с. 427]. Соответственно, репрезентативность исследований, проводимых для изучения массовых иррациональных компонентов правосознания, может быть обеспечена только в случае создания условий борьбы за норму права, наличия равноуровневости порядка проведения исследований, в определенной степени исключая случайности.

Осуществляемая в настоящее время практика единственного и краткосрочного обсуждения определенного проекта нормативного правового акта сводится к индивидуальным, неконсолидированным либо вообще эмоциональным оценкам, которые из-за свойственных искажений правосознания участников такого обсуждения иррациональными компонентами могут не обладать репрезентативным характером. Только после повторных обсуждений, в том числе организованных по поводу уже действующих нормативных правовых актов, можно совершать аналитическую попытку вычленивать такие искажения, представив некий ценностный срез правосознания в его динамике и в разных «социальных контекстах» [1, с. 229], провести разграничение по группам интересов.

1. Элликсон, Роберт Ч. Порядок без права. Как соседи улаживают споры ; пер. с англ. М. Марков, А. Лащев ; науч. ред. перевода Д. Кадочников. М. : Изд-во Института Гайдара, 2017. 520 с. [Вернуться к статье](#)

2. Канеман, Д. Думай медленно... решай быстро ; пер. с английского А. Андреева, Ю. Делигиной, Н. Парфеновой. М. : АСТ, 2019. 653 с. [Вернуться к статье](#)

3. Познер Р. Рубежи теории права ; пер. с англ. И. Кушнаревой. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 480 с. [Вернуться к статье](#)

4. Жуков В. Н. Правосознание: философский анализ // Государство и право. 2019. № 11. С. 18–32. [Вернуться к статье](#)

5. Матарас В. Н. Синтез наук и масштаб объекта в исследовании социогенеза государства // Право.by. 2016. №. 6. С. 15–18. [Вернуться к статье](#)

6. Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. М. : Танаис ДИ-ДИК, 1994. 544 с. ; цит. по: Матарас, В. Н. синтез наук и масштаб объекта в исследовании социогенеза государства // Право.by. 2016. №. 6. С. 15–18. [Вернуться к статье](#)